

От «Острова» к «Крепости»: метафора как инструмент политического анализа и практической политики

Политик оперирует категориями возможного, а геополитик мыслит в формате должного, императивами, опираясь на свои изыскания в истории, философии, экономике, географии и других сферах знания. Первому нужны простые и внятные, эффективные формулы, верность которых проверяется здесь и сейчас; второй оперирует скорее метафорами, так что даже при общности объекта и единстве целей и задач у них различные нарративы, причем настолько, что первому не только трудно понять второго, но и зачастую у него возникает чувство антипатии, в основе которой подозрение, что ему вместо рационального взгляда на настоящее науки предлагают ее псевдоморфозы.

Если политик и использует образы и метафоры, то лишь как украшение, как элементы красноречия, однако для геополитика они – инструменты иного рода. В современной литературе, в частности англоязычной, мы найдем множество геополитических метафор (geopolitical metaphors), обсуждений их наряду со схемами и моделями [7, 8, 9]. Метафорой для геополитики может выступить буквально всё – элементы одушевленного и неодушевленного мира, архитектурные сооружения, игры, ландшафты. Метафоры, вводимые для описания геополитического субъекта, объекта политики, сменяют друг друга в зависимости от времени и места восприятия, изменения роли, перехода из одного блока в другой, состояния системы – как, например, в случае с Турцией, которая в период «холодной войны» описывалась как «бастион» (bastion), а после окончания «холодной войны» воспринимается (преподносится) как «мост» (bridge), «перекресток» (crossroad) [10].

Среди геополитических метафор мы найдем и «третий Рим», и «желтую опасность», и «борьбу за космос», и «железный занавес», и вновь активированный сегодня «принцип домино», на котором следует остановиться особо. Эта метафора появилась в ходе «холодной войны», и использующие ее подразумевают, что при надлежащем применении сил – последовательно и скрытно – падение правящего режима в одной стране неизбежно повлечет за собой подобные процессы и в других, заранее определенных местах. «Вы имеете ряд стоящих костяшек домино и роняете первую из них, – пояснил Дуайт Эйзенхауэр на пресс-конференции 7 апреля 1954 года. – То, что случится с остальными, весьма очевидно – они очень быстро опрокинутся. Итак, вы получите начало процесса распада, который будет иметь самые глубокие последствия». И словно в обоснование того, что метафора есть не просто фигура речи, риторический прием, а лишь весьма своеобразное и «сокращенное», почти поэтическое представление формулы политики, указывают в качестве классического при-

Ванчугов Василий Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, заместитель главного редактора сайта «Русская idea».
E-mail: vanchugov@gmail.com

мера попытки развалить советский блок провоцированием мятежей в странах Варшавского договора.

Ну, а в наше время «домино» проявилось в серии «цветных» и арабских революций, и той же метафорой оперирует Запад, интерпретируя действия России на постсоветском пространстве.

Формально метафора относится к сфере искусства, где она является одним из способов отражения действительности в художественном плане. Но поскольку посредством метафоры можно конкретизировать понятие самое абстрактное, то ее применение гораздо шире, чем искусство. И прежде всего метафора становится рабочим инструментом геополитика, где она не «образная форма изложения мыслей», а своеобразная формула. Последнее, впрочем, дает оппонентам основания представлять геополитику как геопозитику, итог умозрительности, созерцания карт и атласов и измышления воображаемых миров, произвольного придания смыслов историческим деяниям, внешне убедительных, но не доказуемых.

И действительно, не есть ли перед нами под видом геополитики тип художественного мышления, случайно занятого политикой? Не является ли геополитик всё тем же художником, продукты воображения которого кажутся убедительными порой и для политика, поскольку его собеседник – эрудит, представитель академического сообщества – обладает навыками и семиотику способен превратить в магическое искусство. А если говорить о Вадиме Цымбурском, то он, как представитель классической филологии, к тому же близок еще и к мифологии.

Миф у «классиков» повсюду идет фоном, сознательно или бессознательно, они используют его как систему координат, основание для сопоставлений, метаязык, основу для измерения. И эта погруженность в миф при всем разнообразии специализаций задает фон, формат сознания даже человеку Постмодерна, а потому есть опасения, что под видом «академического рассмотрения проблем истории (региональной, всемирной)» вам предложат всего лишь миф. На новый лад, манер и слог, но миф. И кто как не классик-филолог в состоянии выдать его за форму гуманитарного знания современного человека, выступив в итоге в роли современного Гесиода?

В эпоху перестройки этот формат размышлений мог многих увлечь из-за своей новизны, своеобразия, введения необычных образов и знаков, практик анализа действительности и реконструкции прошлого. Так что испытывающему опасения, что под видом геополитики, философии истории, истории философии ему преподнесут лишь поэтико-политический миф, эпос, складно переделанный в суггестивный нарратив, лучше всего просмотреть работы Цымбурского сквозь призму современных проблем. Что дает он нам сегодня? Ведь по прошествии времени лучше видно, содержится ли в метафоре формула, которую можно использовать в реальной политике.

Как я уже отметил выше, метафорой для геополитики может выступить буквально всё – сооружения, игры, состояния сознания, части суши, любые элементы одушевленного и неодушевленного мира. В контексте упомянутого выше «принципа домино», в свете последних событий, свидетельствующих об очередной попытке «свалить» Россию, следует вспомнить текст уже хорошо известного околполитической публике философа. За семь лет до рождения Цымбурского в пригороде Цюриха Цолликоне Иван Александрович Ильин готовит заметку «Что сулит миру расчленение России?» (15 июля 1950 года) [2]. В ней он призывает патриотов к тому, что каждый верный своему Отечеству, беседуя с иностранцами о России, должен разъяснять им, что она есть не случайное нагромождение территорий и племен и не искусственно слаженный «механизм «областей», но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся «ор-

ганизм», не подлежащий произвольному расчленению. И органичность страны проявляется в том, что она есть: а) географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопитанием; б) языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национально-младшими братьями; в) государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; г) оплот европейски-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия. А потому так многими чаемое расчленение «организма Россия» окажется лишь политической авантюрой, гибельные последствия которой человечеству придется переживать долгие времена.

Не вдаваясь здесь в подробности, отмечу только, что Ильин предлагает европейцам и американцам выстраивать отношения с Россией и понимать ее прошлое, исходя из метафоры «организма», которую он воспринимает как формулу, убедительную для оппонентов. Можно привести большой ряд представителей русской мысли, отметившихся поиском «формул», облачающих свои интуиции в метафоры. Прежде всего в контексте отношений с Европой вспоминается первое «философическое письмо» Чаадаева, для которого европейские народы «имеют общее лицо, семейное сходство». Народы для него организмы; при этом, правда, в то время как европейские – высшие существа, мы, в интерпретации Чаадаева, ближе если и не к животным, то к дикарям: «Я нахожу даже, что в нашем взгляде есть что-то до странности неопределенное, холодное, неуверенное, напоминающее отличие народов, стоящих на самых низших ступенях социальной лестницы» [6, с. 328]. И в своей визуализации России он использует пространственный фактор, самой огромностью территорий подчеркивая нашу пустоту и никчемность: ведь, раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, «опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию», мы должны были сочетать в себе два начала духовной природы – воображение и разум, благодаря чему объединить историю всего Земного шара и создать особую цивилизацию. Но нет! Вместо этого мы оказались предоставлены всецело самим себе, став нарицательным примером другим народам... Однако при всей неприглядности образов России, выходящих из-под пера Чаадаева, все же не стоит забывать главного: своими метафорами он хотел повлиять на ход развития, задать геополитический вектор, указать точку приложения сил, указать правильное место «организму» в геополитической системе, цивилизационной нише.

Образ «организма» мы найдем и в «культурно-исторических типах» Данилевского, трактат которого, при всем биологизме и ботанических уподоблениях, насыщен формулами, или, если угодно, псевдоморфозами. Однако и здесь мы имеем дело с геополитическими метафорами, и автор настолько увлечен собственной проекцией идеального социального бытия, что, «преодолевая Европу», цивилизационно покоряя ее, он не видит Америку – разве что лишь только архаическую часть ее, а вот США оказываются вне поля зрения. Данилевский словно ослеплен Европой, но хочет ввести в политический оборот еще нечто более лучезарное – славянский культурно-исторический тип.

Этот же самый «культурно-исторический тип» получает обоснование, только уже метафизическое, в работе В.С. Соловьева «Три силы», где вместо цивилизационной биологии – откровение высшего божественного мира, а народ, через который эта сила проявится, – посредник между человечеством и высшим миром, точнее, богоизбранный народ, носитель, агент третьей божественной силы – славянство и прежде всего русский народ. Однако в то время как формула всегда четко локализует описываемое действие не только в пространстве, но и во времени, определяя начало и конец процесса, оперирующий метафорами, уповая на постижение сути истории, избавляет себя от конкретизации. И потому Соловьев заявляет, что, «когда наступит час обнаружения для

России ее исторического призвания, никто не может сказать, но всё показывает, что час этот близок, даже несмотря на то, что в русском обществе не существует почти никакого действительного сознания своей высшей задачи» [3, с. 30].

Впрочем, достаточно экскурсов в прошлое и примеров использования метафор с политической составляющей. Отметим лишь, что геополитика, имея дело не только с историей, но и с будущим, устанавливая направление возможного движения, и не должна заботиться об определении точного времени наступления предполагаемого сценария развития событий. Сделанный здесь краткий экскурс напоминает лишь о том, что философ истории, ориентированный на решение, среди прочего, и политических проблем, предлагает лишь общее представление о сути процесса, что дает основания делать выводы о его возможных темпах и контурах в будущем. Ему важно указать суть, а не то, как она детально проявится впоследствии.

Поскольку геополитика центрирована на географии, то среди прочих метафор, содержащих формулы, мы находим «Остров Россия» Цымбурского [5, с. 43–99], где пространство – категория не только географическая, но и метафизическая, своеобразная субстанция, влияющая на поведение исторического объекта. Ряд вопросов, заданных им в «Острове Россия», следует повторить и сегодня, чтобы показать, что изменилось с тех пор: «Кто мы? О чем идет речь, когда мы произносим слово “Россия”? Что подразумевают люди старшего поколения, и что приходит на ум молодым? Какой ее видят европейцы и американцы – как наследницу СССР, Российской империи?». И в свете последних событий особенно актуальным становится вопрос Цымбурского, обусловленный необходимостью выявления критериев *геополитической идентичности* России: «Что представляет собой эта страна после 1991 года? Надо ли ее рассматривать как совершенно новое государство, или Российская Федерация – просто новая фаза истории того же самого государства, которое он знал раньше как Россию императоров и Россию-СССР коммунистов?».

Актуализируя этот вопрос до созвучия нашей повседневной речи, его можно задать сейчас следующим образом: что представляет собою Россия после 2014 года – это просто новая фаза постсоветской истории России, прежде имперской, или теперь мы живем в совершенно новом государстве?

Попытка дать конструктивный ответ на поставленный выше вопрос выводит Цымбурского на сопутствующую тему – «демонтаж» империи. В строительстве это означает разбор чего-либо, ряд действий для прекращения функционирования, ликвидация конструкции. А что подразумевается под этой метафорой у Цымбурского? Если посмотреть на результаты демонтажа (деконструкции) в сфере политической, то распад империй осуществляется по двум вариантам. В первом случае в мировом геополитическом раскладе устраняется место империи, вследствие чего преобразуется структурно весь прежний расклад: взамен империи в него отныне входит группа государств с совершенно новыми судьбами, никак не продолжающими судьбы державы (как примеры им даны конец Римской империи, державы монголов или Австро-Венгрии – то есть распад без оговорок). Во втором варианте «демонтажа» отпадают лишь периферийные владения, ища собственной участи, но ядро империи сохраняет роль, связанную с прежней державной ролью. В случае, как с ликвидацией колониальных империй европейских государств, можно говорить о сохранении метрополий государственной идентичности и о переходе всё той же страны в постимперскую фазу, так что в данном варианте метрополия должна обладать геополитическими характеристиками, не присущими самоопределившейся периферии, и с отмежеванием периферии важные структурные черты миропорядка, обусловленные существованием данного государства, пребывают в неизменности.

Теперь, зная о вариантах деконструкции империи, можно, образно говоря, расположившись у карты, промотать ленту времени вспять. Здесь, кстати, следует отметить, что игры со всякого рода картами и атласами чреватые интересными геополитическими сюжетами. Глядя на иные страны, которые мы по привычке включаем в круг близких к нам территориально и культурно, можно обнаружить, что они совершенно иначе трактуют свое местоположение. Ведь в своей национальной идентификации народы придают большое значение географическому фактору, и у них формируются определенные географические, пространственно-графические образы. Всякого рода ландкарты и чертежи для них становятся зрительными образами ойкумены, родной земли в контексте мирового пространства, в котором они отводят себе первенствующую роль, так что в иных случаях посредством них можно эффективно манипулировать массовым сознанием, обосновывать перед соседями притязания на когда-то свои земли, подгоняя новые издания под «ментальные карты», созданные политическим воображением, геополитическими фантазиями¹.

Рассмотрим на политической карте мира Польшу, Чехию, Венгрию и другие страны Восточной Европы, элиты которых считали себя частью Запада, элементом Центральной Европы, в то время как Россия и в прошлом, и в советское время полагала, что они образуют вместе с ней Восточную Европу, и после Второй мировой войны, когда возник «советский блок», их всех включили в этот культурный ареал, цивилизационный блок, следствием чего с их стороны было повышение градуса русофобии благодаря искусному подогреванию такого настроения участниками «холодной войны». Так, чешский писатель Милан Кундера полагал, что страны Центральной Европы, будучи частью Запада, в результате предательства в Ялте отданы были на растерзание советскому режиму, который является естественным продолжением российской цивилизации, чуждой Европе, так что ключевая его статья на эту тему называлась «Похищенный Запад, или прощальный поклон Культуры» (1984).

И этой теме локализации цивилизаций и ментальных карт уделил особое внимание английский историк Ларри Вульф в своей книге «Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения» [1], особенно интересной при сегодняшнем прочтении Цымбурского. Здесь он показывает, что Кундера (как и многие восточно-европейцы) стал жертвой геополитической истины, придуманной на Западе, а именно концепции разделения Европы на Восток и Запад. В представлениях Запада, Россия, Польша, Венгрия и Чехия принадлежали к одному «цивилизационному ареалу» Восточной Европы, так что Сталин в Ялте вовсе не «крал» их у Запада, а Черчилль с Рузвельтом не предавали Центральную Европу уже потому, что таковой просто не было. И Цымбурский дает замечательное обоснование геополитического смысла той линии, по которой установился «железный занавес». Относительно контуров и исторического значения этой линии Черчилль в своей речи в Фултоне в 1946 году заметил: «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике железный занавес опустился через весь континент». И эта линия на карте Европы совпала с делением континента, глубоко укорененным в западной мысли на протяжении двух столетий. Вот истоки драмы истории – поляки и чехи были уверены, что их похитили, они рвались в свой родной дом, но там их «своими» никогда не считали, полагая за человеческий материал, который можно и нужно использовать в геополитической игре. Как сказано было в предисловии к книге Вульфа, метафора «железного занавеса» смогла легко прижиться в западном сознании потому, что была основана на долгой интеллектуальной традиции – проведенная Черчиллем ли-

¹ Так в нашем коллективном самосознании важную роль играла «византийская карта» православной цивилизации с центром в Царьграде-Константинополе.

ния «от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике» была нанесена на карту и осмыслена еще два столетия назад, хотя тот период интеллектуальной истории был почти забыт или намеренно затушевывался. И этот раскол был продуктом культуры: в эпоху Просвещения Запад изобрел Восточную Европу как свою вспомогательную половину. Европа – как цивилизация – «обнаружила» на том же самом континенте, только с края, нечто отдаленно похожее на культуру.

В XVIII веке понятие «скифы» еще включало в себя все восточноевропейские народы, а после Гердера Восточная Европа обрела образ славянского края. Эта концепция удачно соотносилась с риторикой «холодной войны», и Вульф считает, что она, пережив распад советского блока, останется в культуре, равно как «и на тех картах, которые мы носим в своем сознании».

Итак, расположившись у карты, основываясь на указаниях Цымбурского и промотав с ним ленту времени вспять, двигаясь в прошлое, можно обнаружить в истории, точнее – в XVII веке, «эволюционную развилку», откуда одна линия ведет к Российской империи и СССР, а другая – к постперестроечной России. В отличие от текучей в своих формах «Руси», Россия возникает в полноте необходимых и достаточных геополитических характеристик не при Рюрике и не при Иване Калите, а в течение XVI века, и последней среди этих характеристик стал выход русских в земли Заволжья и Зауралья; при этом можно сказать, полагает Цымбурский, что Россия не присоединяла Сибири, а «создалась Сибирью».

Далее как геополитический объект Россия может быть описана тремя признаками.

Во-первых, это целостная геополитическая ниша русского этноса, лежащая к востоку от романо-германской этно-цивилизационной платформы, не относясь к ней и уже в пору своего конституирования в XVI веке превзойдя коренную Европу площадью, а в XVII веке образовавшая особую платформу, заполнив пространство между Европой и Китаем. Во-вторых, обширность трудных для освоения пространств на ее востоке. В-третьих, конституитивной для России является отделенность страны от романо-германской Европы на западе поясом народов и территорий, примыкающих к этой коренной Европе, но не входящих в нее. Этот промежуток между первым очагом модернизации и русской платформой ученый называет «территориями-проливами», или параевропейскими «территориями-проливами». И если ввести расположенные на западе России территории-проливы, вместе с единством геополитической ниши русских и восточными трудными пространствами, в определение паттерна России и констатировать судьбоносность для нее исторической констелляции, которая возникла в XVI веке между провозглашением царства, прорывом в Сибирь и распространением крепостничества у наших непосредственных западных соседей, то Россия обретает черты гигантского острова внутри континента, русского острова с иноэтническими вкраплениями. При этом «трудные пространства» в XVI–XVII веках отделяли «остров Россию» от глядящего на Тихий и Индийский океаны пояса этно-цивилизационных платформ Азии радикальнее, чем слой «территорий-проливов» от коренной, приатлантической Европы.

Наиболее драматичными моментами в российской истории «великоимперской фазы» оказывались те, в которых устремление России в Европу порождало ответный выброс государственных энергий из Европы в сторону «острова». При этом следует отметить, что используемая им метафора «острова» имеет мифологическую основу, поскольку автор полагает, что у нас не было в тот период «развилки» внешнеполитической доктрины, которая в том или ином варианте не лелеяла бы мифа о «похищении Европы». Но здесь и сейчас мы сосредоточимся исключительно на «острове». Пространства, длительное время предоставлявшие России доступ к коренной Европе, Балканам и Среднему Востоку, в наше время актуализировались в новом качестве «проливов», отдаляющих нас от всех этих

участков мирового приморья и прежде всего от Европы. Для нее самой утрата контактного соприкосновения с российским присутствием едва ли не намного важнее, чем экзальтированное усвоение либеральных норм «перестроечными» россиянами. Паттерн «острова России» означает полную инверсию геополитических приоритетов государства в сравнении с той их иерархией, которая характеризовала великоимперскую фазу. На западных «территориях-проливах» центральная российская власть имеет кое-какие обязательства, но практически никаких перспектив, тогда как южные «территории-проливы», созданные собственно российской политикой, обретают повышенный оборонительный интерес – при условии отказа от любых попыток интегрировать их в геополитическое «тело» России и тем самым поставить ее лицом к лицу со Средним Востоком. При этом при создавшемся положении любые попытки НАТО расширяться за счет Восточной Европы Россия должна переносить достаточно болезненно, остро реагировать на любые движения Запада, толкуемые нами как попытки уменьшить пространственный зазор между российской и европейской платформами.

А с переворачиванием иерархии приоритетов на первое место в России предстоит возвести геополитику внутреннюю, нацеленную на развитие регионов «острова» в их природной и хозяйственной дифференцированности, особенно – трудных пространств. Это естественная интериоризация геополитики страны вследствие ее перехода к «островному» паттерну. Отсюда и слоган того времени: «Благо регионов – благо России». Эта тенденция важна не только сама по себе, но и как подготовительный этап к изживанию западоцентризма российского «острова». И в новом свете Цымбурский высказывает предположение, что с устранением больших милитаристских целей на Западе восточные регионы начинают добирать недобранное за великоимперские века, и потому в ближайшие годы они всё крепче «потянут одеяло на себя», а геополитический фокус страны быстрее или медленнее, эволюционно, с санкции и при содействии центрального правительства или же революционно будет смещаться на ее трудные пространства, отчего следует ожидать как распада, так и нового собирания России.

Поскольку Россия состоит из множества региональных образований с этнической, религиозной и географической спецификой, то активизировались дискуссии о существовании разных форм регионализма (карельского, татарского, башкирского, кавказского, дальневосточного, сибирского и др.), и наиболее напряженными в геополитическом отношении территориям стали Северный Кавказ, Калининградская область, Дальний Восток, граничащий с Китаем юг Восточной Сибири.

Но пока попытки активизировать сепаратистские настроения за счет возрождения различных форм регионализма успеха не приносят, а вот процесс собирания земель продолжается: на мартовском референдуме 2014 года жители Крыма практически единогласно проголосовали за воссоединение с Россией, и даже противникам отделения Крыма пришлось признать, что жители сами решили свою судьбу. Таким образом, осторожная оговорка Цымбурского, что следует ожидать как возможного сценария развития событий «нового собирания России», из предположения стала реальностью.

Время раскрывает как достоинства текста, так и концептуальные упущения автора. Когда он говорит о «трудных пространствах» XVI–XVII веков, которые отделяли «остров Россию» от глядящего на Тихий и Индийский океаны пояса этно-цивилизационных платформ Азии радикальнее, чем слой «территорий-проливов» от коренной, приатлантической Европы, то при прогнозировании будущего он не рассматривает это направление движения как возможное, делая предположение лишь о гипотетическом распространении на «территории-проливы». Но ландшафт изменился, совершенствовались и средства преодоле-

ния пространства, а ученый все еще смотрел на те края глазами времен Ермака, человека повозки, медленного торгового каравана, в то время как уже «челноки» эпохи перестройки показали, что это пространство притягательно и легко преодолимо, а развитие сети дорог сделает его просто комфортным. Говоря о лимитрофах, пограничных государствах, Цымбурский упускает из виду изменение их статуса во времени, относительность лимитрофности, если можно так выразиться, когда приграничные территории становятся внутренними землями, когда внешнее становится внутренним. Посмотрите на карты разных веков, на соотношение в них центра и периферии, и вы заметите, как в некоторых случаях пограничное (лимитроф) затем становится периферией, то есть всё так же с краю, но уже не вовне, а внутри.

Когда-то внешнее по отношению к России кольцо стало внутренним, оно теперь, как новый обруч на бочке, увеличившейся в размере, что придает ей необходимую крепость. Поглощается империей еще одно прежде пограничное пространство, и оно присоединяется к ее периферии, а вчерашний лимитроф становится новой губернией. Однако при этом особо не рассматривается самосознание народов, населяющих страны-проливы, являющиеся буферной зоной, промежутком между Россией и Европой и ставшие либо губернией России, либо вновь пограничным ей государством. Чем обусловлено их маргинальное положение, судьба пребывать в промежуточном состоянии? Тем ли, что две силы, цивилизации избегают тесного, непосредственного соприкосновения, и потому необходима геополитическая прослойка, некий «пролив» между «островами», «континентами»? И как долго просуществует наш «остров»?

Хотелось бы также заметить, что европоцентрированный взгляд автора не позволил ему сосредоточиться более обстоятельно на Китае, для которого уже мы – лимитроф, а также обсудить и такое допущение, согласно которому сама Европа – лимитроф, приграничное пространство-государство между нами и США. Тем не менее следует отметить, что в его работе метафора – не просто условность, но и точность, достаточно высокая, когда речь идет о России, однако по мере выхода за ее пределы и рассуждения о ней в контексте других «островов» суждения его скорее будут восприниматься как метафоры, как утверждения с высокой долей условности. При этом, перечитывая сегодня Цымбурского, нам следует, основываясь на упомянутой выше книге Вульфа («Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения»), посмотреть на наш «остров» со стороны, с того берега, где с XVIII века сложилось свое представление о Восточной Европе как вспомогательной, периферийной зоне Запада, реконструировать исторический и географический образ того мира, что лежит за этой буферной зоной – России, постоянно присутствовавший в сознании европейца как таящий в себе вызов иной мир, инобытие Европы...

Впрочем, многие положения, слишком кратко выраженные в сочинении «Остров Россия», автор затем превратил в развернутые суждения в других статьях и комментариях к ним.

В завершение статьи вновь хочу вернуться к значению геополитических метафор. Они – непрменный элемент геополитического мышления, так что некоторые предпочитают говорить о подобного типа нарративе как о *геолоэтике*. Но не всякая метафора, претендуя на роль формулы, становится таковой. Так аналогичная попытка евразийцев не увенчалась успехом, и их Континент-Евразия так и остался метафорой, которую, впрочем, в перестроечные времена снова попытались представить формулой, и снова безуспешно. Но если у политика метафора так и остается элементом *эристики* (полемики, спора, диспута), то усилиями геополитика, пришедшего в политическую сферу из науки, она эволюционирует в понятийную модель, является уже типом *эристики*, и мета-

фора становится геополитической моделью, пригодной не только для прагматической ретроспекции, аналитического описания действительности, но и для применения в области планирования, формирования контуров будущего.

Пока рано говорить об «уходе из Европы», и Цымбурский показал, что не следует возможный «уход из Европы» воспринимать как катастрофу. Ведь уже был уход после Крымской войны, затем в годы Версальской системы с ее кордонами против большевиков, и что оба отката компенсировались поворотами к «евразийской» геополитике в Средней Азии, Монголии, Китае: Россия «собирала пространства», угрожая отторгавшей ее Евро-Атлантике [4].

И что сегодня? Как исследователь политического языка Цымбурский отметил сдвиг смыслов в словах и выражениях, модификацию значения терминов, введение новых концептов, что вынесено им в качестве заглавия статьи – «От России-Евразии к России в Евразии». «Россия в Евразии» воспринимается им как формула, явно требующая, с одной стороны, переосмыслить понятие «Евразии», с другой стороны, по-новому увидеть сущность, называемую «Россия».

Было время, когда у нас много и страстно писали о «китайской опасности», что дало повод Цымбурскому заметить, что это делается с «излишней, но симптоматической истерией». Теперь Китай пытаются представить Дружелюбным Другом, а вот Европа для многих уже «плохая дама», «дряхлая старушка», о скорой смерти которой так много вещали еще в позапрошлом веке, да так и не дождались. Как бы теперь вновь не стали писать «с истерией», хотя она и провоцирует на негативную экспрессию. В свою очередь, необходимо понять, что Европа повела себя так, чтобы оттолкнуть нас от себя, не по собственной инициативе, оказавшись между двух огней, между молотом и наковальней, как точка приложения двух сил – США и России. Штаты изрядно постарались, чтобы «выдавить» нас из Европы. И поворачиваясь к Азии, Востоку, следует помнить, что и здесь возрастание нашей мощи по прошествии времени вызовет сопротивление.

Так что прав Цымбурский – лучше все же не увлекаться более «похищениями» Европы, равно как и Азии, а оставаться «островом», «Россией в Евразии». Впрочем, эта метафора вскоре претерпит изменения. Исчезнут пространства, играющие роль «проливных функций». Проливы, образно выражаясь, «пересохнут», исчезнут промежуточные зоны, и соприкосновение между цивилизационными платформами будет непосредственным, а потому наш «остров» должен быть крепостью с воротами на все стороны света, но надежно охраняемыми.

Литература

1. Вульф, Ларри. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
2. Ильин И.А. Что сулит миру расчленение России? // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 2. Кн. I. М.: Русская книга, 1993. С. 326–340.
3. Соловьев В.С. Три силы // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1: Философская публицистика. М.: Правда, 1989. С. 19–31.
4. Цымбурский В.Л. Земля за великим лимитрофом: от «России-Евразии» к «России в Евразии» // Бизнес и политика. 1995. № 9.
5. Цымбурский В.Л. Поэтика геополитики: статьи 1991–2000 гг. Т. 1.
6. Чаадаев П.Я. Философические письма // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1991.
7. Agnew, John; Entrikin, J. Nicholas. Marshall Plan Today: Model and Metaphor (Studies in Geopolitics). London: Routledge, 2004.

8. *Charteris-Black, Jonathan*. Analysing Political Speeches: Rhetoric, Discourse and Metaphor. London: Palgrave Macmillan, 2013.
9. *Dittmer, Jason*. Captain America and the Nationalist Superhero: Metaphors, Narratives and Geopolitics. Philadelphia, PA: Temple University Press, 2012.
10. *Yanik, Lerna K*. The Metamorphosis of Metaphors of Vision: «Bridging» Turkey's Location, Role and Identity After the End of the Cold War // Geopolitics. Vol. 14, Issue 3 (August 2009). P. 531–549.

Аннотация. Статья посвящена проблемам репрезентации идей в геополитике, в частности, использованию в этой дисциплине метафор, аналогий, сравнений, а также мифологизации идеологий. Для решения этой проблемы сопоставляются различные нарративы, приемы и техники производства знаний в области гуманитарного знания в целом и в политике в частности. Взяв за основу комплекс идей Вадима Цымбурского, автор рассматривает одну из его ключевых работ в контексте современных проблем, полагая наиболее актуальной темой «демонтаж» империи – обсуждение этого сюжета дает возможность заниматься «конструированием», проектированием ближайшего будущего.

Ключевые слова: политика, геополитика, история, философия истории, метафора, формула, герменевтика, миф, империя, власть, управление.

Vasily V. Vanchugov, PhD, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of History of Russian Philosophy, Professor. Politconservatism.ru, Deputy Chief Editor.

From «Island» to «Fortress»: Methaphor as an Instrument of Political Analysis and Practical Politics

Abstract. This article is devoted to the representation of ideas, in particular, the use in the field of geopolitics, metaphors, analogies, comparisons, as well as cases of mythologizing ideologies. For this purpose, the author has made a comparison of the various narratives, methods and techniques of modern production of knowledge in the humanities in general, and in politics in particular. Taking the complex of ideas from the book “The Island of Russia”, the author of the article is going to highlight one of his key works in the context of contemporary issues, because, in his opinion, the most topical issue is the “dismantling” of the empire, discussion of which gives us the opportunity to be engaged in designing future.

Keywords: politics, geopolitics, history, philosophy of history, metaphor, formula, hermeneutics, myth, empire, power, governance.

